

УДК 94 (470+571) "18"

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.2>

Ю. Ю. Гранкин

«СТАРАНИЯ, О ДОБРОВОЛЬНОМ РАСПРОСТРАНЕНИИ ЕВАНГЕЛЬСКОГО УЧЕНИЯ ...»: МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (1793–1817 гг.)

Миссионерская деятельность Православной Церкви играла важную роль в умиротворении народов Северного Кавказа. Предполагалось восстановить среди них те духовные ценности, которые ранее исповедовали их предки. С этой целью в 1793 г. в Моздоке был учреждён пост викарного епископа Астраханской епархии. Это позволяло оперативно решать вопросы, связанные с распространением здесь христианской веры. Очень скоро Моздок превратился в один из ведущих религиозных центров края. Но к самой миссионерской работе у властей было немало претензий: число обращённых в новую веру не соответствовало ожиданиям, а искренность убеждений неофитов вызывала серьёзные сомнения. Император Павел I, сменивший на престоле Екатерину II, распорядился ликвидировать викариатство. Тем не менее сама идея проповедовать православие в горской среде сохранилась и имела немало сторонников.

Вновь стал вопрос о восстановлении Осетинской комиссии, с помощью которой предполагалось влиять на конфессиональную ситуацию в регионе. Возника-

ли и апробировались проекты по привлечению иностранных миссионеров для миссионерской работы в горской среде. Но главная роль отводилась православным священникам, для успешных трудов которых казна готова была выделять необходимые средства. Деятельность церкви при этом не должна была противоречить шагам светских властей. С назначением на Кавказ А.П. Ермолова военно-политическая ситуация в крае усложняется, что ознаменовало собой новый этап в миссионерской практике православного духовенства.

Ключевые слова: миссионеры, епархия, проповеди, христианство, православие, епископ, горцы, викарий, храм.

Для цитирования: Гранкин Ю. Ю. «Старания, о добровольном распространении Евангельского учения ...»: миссионерская деятельность в политике российских властей на Северном Кавказе (1793–1817 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 543–548. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.2

Yuri Yu. Grankin

«EFFORTS TO VOLUNTARILY SPREAD THE GOSPEL TEACHING...»: MISSIONARY ACTIVITY IN THE POLICY OF THE RUSSIAN AUTHORITIES IN THE NORTH CAUCASUS (1793–1817)

The missionary activity of the Greek Church played an important role in appeasing the peoples of the North Caucasus. It was supposed to restore among them those spiritual values that their ancestors had previously professed. For this purpose, in 1793, the post of vicar bishop of the Astrakhan diocese was established in Mozdok. This made it possible to quickly resolve issues related to the spread of the Christian faith here. Very soon Mozdok became one of the leading religious centers of the region. But the authorities had many complaints about the missionary work itself: the number of converts to the new faith did not meet expectations, and the sincerity of the neophytes' beliefs raised serious doubts. Emperor Paul I, who replaced Catherine II on the throne, ordered the abolition of the vicariate. Nevertheless, the very idea of preaching Orthodoxy in the mountain environment was preserved and had many supporters.

The question of restoring the Ossetian Commission, with the help of which it was supposed to influence the confessional situation in the region, arose again. Projects

to attract foreign missionaries for missionary work in the mountain environment arose and were tested. But the main role was assigned to Orthodox priests, for whose successful work the treasury was ready to allocate the necessary funds. The activities of the church in this case should not have contradicted the steps of the secular authorities. With the appointment of A.P. Yermolov to the Caucasus, the military-political situation in the region is becoming more complicated, which marked a new stage in the missionary practice of the Orthodox clergy.

Key words: missionaries, diocese, sermons, Christianity, orthodoxy, bishop, highlanders, vicar, temple.

For citation: Grankin Yu.Yu. «Efforts to voluntarily spread the gospel teaching...»: missionary activity in the policy of the Russian authorities in the North Caucasus (1793–1817) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 543–548 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.2

стианства [10, с. 283-286]. Возник замысел вернуть их в лоно православной Церкви, и для этого указом Екатерины II в 1793 г. в Моздоке учреждается пост викарного епископа Астраханской епархии. Это трактовалось как продолжение подвижнических трудов христианских проповедников, ранее

значение миссионерской работы для умиротворения недавно присоединённых «инородческих» окраин высоко оценивалось властями Российской империи. Не был исключением и Северный Кавказ, где проживали многочисленные народы, по преданиям некогда являвшиеся частью мира хри-

окормлявших горскую паству. В частности, говорилось: «Употреблённые предками нашими и нами старания, о добровольном распространении Евангельского учения в народах, по близости к линии Кавказской обитающих, с Божию помощью имели успех, доказываемый обращением многих осетинцев и тому подобных к церкви нашей благочестивой» [15, с. 422]. Примечательно, что в этом же году здесь начал работать Верховный пограничный суд, который должен был приобщать местных жителей к правовым порядкам империи [7, с. 50]. Это были способы ненасильственного привлечения населения края к мирной жизни в составе единого государства, чьими подданными они теперь являлись. Власть рассчитывала, что вскоре найдёт верных сторонников из их числа. Синод, уточня и разъясняя императорский указ, отмечал, что следует «приложить старание, чтобы священно и церковно-служители таковых церквей были из тамошних же жителей» [15, с. 450]. Таким образом, перед сделавшими пророссийский выбор открывались привлекательные социальные перспективы, а это формировало позитивный образ власти в сознании проживавших на Кавказе народов. Существовавшая ранее Осетинская духовная комиссия упразднялась [11, с. 14].

Действовать епископу приходилось достаточно автономно, а количество задач, которые были перед ним поставлены, не ограничивались лишь духовными обязанностями. Он отвечал за кадровые вопросы, должен был организовать школу, координировать работу миссионеров, контролировать деятельность монастырей и т. п. Столь нелёгкая ноша легла на плечи Гайя Тахаова, считавшегося человеком сведущим в местных реалиях, который в мае 1793 г. был назначен епископом Моздокским и Маджарским [6, с. 85]. Судя уже по первым шагам Гайя, этот расчёт оказался верным. По распоряжению епископа стала разрабатываться осетинская письменность с использованием славянской азбуки. Проповеди читались на понятном осетинам языке, что облегчало выстраивание диалога между пастырем и верующими [12, с. 93]. Так, дьякон Моздокского собора Павел Генцауров перевёл книгу «Начальное учение человеком, хотяющим учится книг божественного писания», которая активно использовалась в ходе проведения миссионерских бесед с «инородческой» паствой [4, с. 14].

Насколько успешной была такая деятельность, однозначного ответа нет. В руки исследователям попадает разноречивая информация, не позволяющая получить объективное представление о происходящих процессах восстановления христианского вероучения среди осетин, ингушей и кабардинцев. Так, один из дореволюционных авторов утверждал, что «преосвященный епископ моздокский Гай только по времени посыпал в Осетию соборных и приходских священ-

ников с причтом для проповеди» и за всё время существования викариатства Моздокского число новообращённых не достигло даже трёх сотен человек [13, с. 143]. Автор истории Астраханской епархии протоиерей Иоанн Саввинский называет цифру 286 человек, обращённых в течение шести лет [18, с. 235]. Немало вопросов вызывала искренность неофитов. Сохранились следующие подробности крещения горцев: «Они охотно позволяют себя крестить; некоторые повторяют это по нескольку раз для того, чтобы получить 7 аршин грубой холстины, которую им за это выдают; однако после крещения, чтобы доказать своё христианство, они умеют разве только сделать крест и есть свиное мясо» [21, с. 35].

Но сохранившиеся отчёты в Святейший правительственный синод, в которых численность только крестившегося ингушского населения достигает цифры в 717 душ обоего пола, позволяют внести существенные корректировки в подобные утверждения [20, л. 1]. Скорее всего, имел место процесс отказа от христианства недавно обращённой паствы, что и дало столь серьёзный разброс в цифрах. Учитывая острую нехватку в священниках, которые могли бы на постоянной основе работать с горскими народами, удивляться такому положению не приходится.

Следует также помнить, что правительство ориентировало миссионеров не гнаться за количеством обращённых в христианство, а желало видеть в них подлинно верующих людей. Екатерина II указала «дать наставление в том, чтобы он не считал исполненным звание и долг свой в торопливом сподоблении крещения, а старался бы внушить им и силу христианского учения и руководствовать ко всякому благонравию, без чего крещение диким людям преподаваемое, едва ли не может быть названо злоупотреблением одного из величайших таинств веры христианской» [17, с. 656]. Нужно было создать базу для успешного взаимодействия с народами края, а это требовало сосредоточиться на возведении новых и поддержании старых храмов, подготовить кадры, знакомые с местной спецификой и т.п. Между тем действовать приходилось в тяжелейших, опасных для жизни условиях. Было множество примеров преследования христиан, «постоянных притеснений со стороны кабардинцев, которые угнали у них скот, забирали их жён и детей и продавали в отдалённые области. Духовная и гражданская власть против этих врагов тогда была бессильна» [18, с. 234–235].

При епископе Гайи Моздок становится важным религиозным центром в Предкавказье. Здесь возводятся новые храмы, среди которых выделяется храм во имя Успения Божьей Матери. В нём хранилась старинная почитаемая икона, которая для верующих считалась чудотворной. Её привезли переселившиеся под защиту русско-

го гарнизона куртатинцы. Пройдут десятилетия, и в 1821 г. в сообщении Астраханской духовной консистории будет указываться, что «находящиеся в г. Моздоке новоокрещённые осетинцы и черкесы, уже с давнего времени поселившиеся, имеют у себя церковь деревянную во имя Успения Божия Матери, построенную в 1797 году» [3, с. 412].

Нам представляется, что инициированный Екатериной Великой эксперимент с Моздокско-Маджарским викариатством не был доведён до конца. При всей критике действий епископа Гайя следует реально оценивать его скромные возможности по распространению миссионерской практики в регионе. Он должен был решать первоочередные хозяйствственные вопросы, создавать базу, опираясь на которую его приемники могли активно приступить к проповеднической деятельности [5, с. 243].

Между тем новый император Павел I не скрывал, что собирается «в делах внешней политики России не следовать правилам своей родительницы», следствием чего, среди прочего, стала ликвидация епархии [9, с. 243]. Но это не означало того, что власти отказывались от распространения христианских ценностей среди горцев Северного Кавказа. Шёл интенсивный поиск оптимальной модели воздействия на мировоззрение автохтонных народов края, в которых хотели видеть миролюбивых подданных, верных престолу.

Российская политика в значительной степени была связана с личностью императора, который находился в текущий период на престоле. При смене власти происходила корректировка текущих задач, хотя сама цель, как правило, не изменялась. Так произошло и после завершения короткого царствования Павла I. Занявший трон Александр I публично заявил, что примером истинного правителя для него служит его бабка, а потому следовало ожидать возврата к тем идеям, которые она стремилась воплотить на практике. Незадолго до своей гибели сын Екатерины II присоединил к Российской империи Картли-Кахетинское царство. После недолгих колебаний этот шаг отца подтверждает и его наследник. Всё это подстегнуло интерес к миссионерской деятельности среди северокавказских племён, которые в силу новых geopolитических реалий должны были вливаться в семью народов северной державы.

Возник замысел восстановления Осетинской комиссии, которая не должна была подчиняться светской власти. Производились расчёты будущих расходов, связанных с содержанием её служителей, разрабатывались нормы и требования к ним. Пастыри должны были своим примером влиять на прихожан, хорошо владеть знаниями в области теологии, опрятно одеваться и выполнять мирские требы и т.п. Не исключалось наказание тех священников, которые не отвечали своему высокому статусу и дискредитировали Церковь [18, с. 235].

При всём желании действовать самостоятельно духовенство не могло обходиться без поддержки светской администрации. Ситуация на Кавказе с каждым годом обострялась, и реальные полномочия фактически сосредоточивались в руках военного командования. Были случаи притеснения неофитов и разграбления их церквей со стороны местных владельцев [8, с. 63].

Среди тех, кто принял участие в распространении христианства, был П. Д. Цицианов, который осознавал необходимость выстраивания добрых отношений с духовенством, «а также использования авторитета священнослужителей для поддержки мер правительства» [14, с. 213–214]. При этом он ратовал за искренность в деле обретения горцами новой веры, был противником получения мирских выгод от перехода к православию.

Так, столкнувшись с тем, что многие беглецы из горских пределов переходят в православие лишь для того, чтобы обрести свободу и избавиться от гнёта прежних владельцев, он потребовал от священников не торопиться с проведением обряда для таких людей, а первоначально обучить их русскому языку и основным догматам христианства, чтобы они становились православными не формально, а по убеждению [1, с. 570].

Примечательно, что П. Д. Цицианов не испытывал предубеждения к католическим миссионерам. Он считал, что они могут внести свой вклад в деле умиротворения горцев, а имеющиеся разногласия с Ватиканом не должны препятствовать обращению «в христианскую веру сопредельных Грузии магометан и некоторых идолопоклоннических поколений» [1, с. 281].

При нём начинает свою работу миссия Эдинбургского библейского общества, которая основала свою колонию в ауле Карапас. Выкупая у горцев языреи, проповедники стремились обучить их грамоте, чтобы в дальнейшем использовать для распространения своих идей [12, с. 94].

С гибелю князя решать вопросы по привлечению горских народов в лоно православной Церкви пришлось новому военному губернатору графу И. В. Гудовичу. К нему обратился глава Астраханской и Кавказской епархии архиепископ Анастасий. Недавно назначенный на эту должность, он жаждал преуспеть там, где не смог продвинуться его предшественник, архиепископ Платон. Сильной стороной такого подхода была преемственность, которой старались придерживаться пастыри, независимо от того, кто из них возглавлял епархию.

Мы видим фактическое повторение тех пунктов, которые в своё время были озвучены светским властям и теперь вновь доводились до сведения военного губернатора. В частности, предлагалось: «1) Осетинскую Комиссию восстановить по-прежнему в Моздоке на таком основании, как оная до 1793 года по Высочайше конфирированному

в 1771 году докладу существовала. 2) Духовным быть таким же, как прежде были, кроме переводчика, в коем надобности не предвидится, а вместо его полагается для письменных дел и смотрения за казною комиссар с классным чином и при том один писарь. 3) Для сей комиссии и при ней школы обратить строение упразднённого в 1799 году в Моздоке второклассного мужского монастыря... оставя и церковь того монастыря для сей же Комиссии. 4) Для всяких услуг определить из крестьян в служители 5 человек. 5) Всю сумму, полагаемую на Осетинскую Комиссию, отпускать из Казённой Палаты, а не из Приказа общественного призрения..., и 6) По делам Комиссии сношение иметь только с одним военным губернатором...» [2, с. 75].

Обращает на себя внимание пункт второй, в котором оговаривается отсутствие необходимости иметь в составе Комиссии переводчика. Данный факт может быть трактовать так: среди священников были знающие язык своей паствы либо это были выходцы из числа тех народов, среди которых предполагалось вести проповедническую деятельность. Уже имелись монастыри, церкви, школы, т. е. все условия для того, чтобы приступить непосредственно к миссионерской практике. Это свидетельствует о том, что критика в адрес викариатства излишне категорична, и к началу XIX столетия уже были подготовлены серьёзные заделы для успешной работы христианских миссий.

Однако, несмотря на актуальность сформированных церковными иерархами задач, их решение явно затягивалось. Сказывалась неповоротливость чиновничего аппарата империи, который любой шаг сопровождал длительным согласованием и перепиской по инстанциям. Осложняли ситуацию и те первоочередные проблемы, которые приходилось решать кавказским властям. В крае свирепствовала чума, бороться с которой можно было лишь с помощью карантинных мер, парализующих контакты между народами, проживавшими в регионе. Основное внимание уделяли нейтрализации внешнеполитических опасностей, которые грозили России, как в Европе, так и на Востоке. На фоне всех этих вызовов миссионерская работа отходила на второй план, и всё ограничивалось перепиской с канцелярией обер-прокурора Синода.

И. В. Гудович изначально имел самые смутные представления о том, что стало с Осетинской комиссией. Он писал моздокскому коменданту, что «теперь мне неизвестно, существует ли и ныне таковая Комиссия или нет и каким образом и кем исполняется бывшая той Комиссии обязанность относительно народа осетинского» и давал приказание собрать для него по этому поводу необходимую информацию [2, с. 77]. Это говорит о

том, что миссионерские усилия какое-то время явно были не в числе приоритетов для кавказской администрации.

Возник замысел привлечь к работе среди горцев иезуитов. Но Александр I запретил подобные эксперименты, опасаясь, что их деятельность будет направлена против интересов России в крае [8, с. 64].

Ситуация начала меняться с лета 1811 г., когда был учреждён Грузинский экзархат, в ведение которого перешли приходы с православными осетинами [19, с. 106]. По указанию императора от 30 августа 1814 г. учреждается Осетинская комиссия. Её деятельность курировал архиепископ Телавский и Грузино-Кавказский Досифей. Для Комиссии были определены следующие штаты: «...архимандрит один, игумен один, иеромонахов четыре, иеродиаконов два, да из белого духовенства: священников два, диакон один, и восемь причетников; а для письменных дел по комиссии один секретарь 10 класса, один переводчик 12 класса и два писца» [16, с. 1114]. Было очевидно, что нелёгкая служба архиепископа будет опасна. Дорога к будущей пастве пролегала по горной местности, где природа и люди могли погубить миссионеров. Поэтому предусматривалось, «иметь в готовности и состоять в полном послушании и распоряжениях архиепископа, во-первых: из церковных грузинских крестьян 30 человек с верховыми лошадьми, кои и будут указателями дорог и селений; а второе для охранения в пути от набегов, казаков 100 человек...» [16, с. 1115]. Информация о работе осетинской комиссии должна была поступать непосредственно в Синод, который при необходимости мог оказать различную помощь архиепископу.

Досифей активно принялся выполнять возложенные на него обязанности. Только за три года число обращённых в православную веру осетин превысило шесть тысяч человек. Но очень скоро интересы миссионеров столкнулись с военно-политическими реалиями, которые препятствовали их деятельности. Новый главнокомандующий на Кавказе А. П. Ермолов не терпел своеулия и непослушания архиепископа, чьи действия расходились с проводимым им курсом в отношении горцев. Не без раздражения он пенял Досифею на то, что «...духовная Осетинская комиссия, имевшая влияние на осетин, жительствующих по хребту Кавказских гор, прилегающих к Горийскому уезду, вмешивается в дела до правительства относящиеся...» [3, с. 363]. В 1817 г. Осетинская духовная комиссия была передана под управлением архиепископа Рязанского Феофилакта. Это была не просто кадровая перестановка. Начинался новый этап в миссионерской работе Комиссии, которой предстояло действовать во всём более сложных обстоятельствах разгоравшихся военных действий в регионе.

Российская политика на Кавказе на рубеже XVIII – XIX веков претерпела серьёзные изменения. Это нашло отражение и в конфессиональных преобразованиях, которые внедрялись имперскими властями в крае. Предполагалось с помощью миссионерской деятельности добиться умиротворения народов, некогда считавшихся христианскими. В качестве инструмента воздействия выступала Осетинская духовная комиссия и викариатство Моздокское, сумевшие привлечь в лоно православия тысячи горцев, преимущественно из числа осетин. Анализ задействованного материала

позволяет сделать вывод о том, что деятельность церкви зависела от решений светских властей. Активизация миссионерских усилий была связана с возрастанием и угасанием интереса к региону со стороны Петербурга, для которого внешнеполитическая повестка на Юге неоднократно изменялась. Заложником такой неопределенности было и духовенство, которому к тому же приходилось иметь дело с горскими обществами, социально-экономический и культурный облик которых затруднял проведение в их среде успешной проповеднической деятельности.

Литература

- Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией / под ред. А.П. Берже. Тифлис: Главное Управление Наместника Кавказского, 1868. Т. II. Ч. II. 1238 с.
- Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией / под ред. А.П. Берже. Тифлис: Главное Управление Наместника Кавказского, 1869. Т. III. 767 с.
- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1874. Т.VI. Ч.I. 941 с.
- Алборов Б. А. Некоторые вопросы осетинской филологии: статьи и исследования об осетинском языке и фольклоре. Орджоникидзе: Ир, 1979. 311 с.
- Барабанов О. Н., Волхонский М. А., Мирзоева А. М., Муханов В. М. Очерки истории христианства на Северном Кавказе: С древнейших времён до начала XX века. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. 352 с.
- Беляев И. Русские миссии на окраинах. Историко-этнографический очерк. СПб.: Издание П.П. Сойкина, 1900. 308 с.
- Город Моздок: Исторический очерк. Владикавказ: РИПП им. Гассиева, 1995. 279 с.
- Емельянова Н. М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. М.: РИК, 2003. 360 с.
- Жигарев С. Русская политика в Восточном вопросе. (Её история в XVI-XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. Москва, 1896. Т. I. 465 с.
- Калоев Б. А. Осетины (историко-этнографическое исследование). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. 358 с.
- Калоев Б. А. Моздокские осетины (Историко-этнографическое исследование). М.: Наука, 1995. 245 с.
- Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777–1864 гг.). Пятигорск: ИП Филиппов, 2006. 2006. 158 с.
- Коменский И. Обращение осетин в христианство в XVIII веке // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881. Под редакцией Графини Уваровой. М.: Типография А. И. Мамонтова и К, 1887. С.140–160.
- Лапин В. В. Цицианов. М.: Молодая гвардия, 2011. 542 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т.XXIII. СПб.,1830. 973 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т.XXXII. СПб.,1830. 1110 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т.XXXV. СПб.,1830. 675 с.
- Савинский И. Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ея существования. (С 1602 по 1902 год). Астрахань, 1903. 392 с.
- Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
- Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 245. Оп. 1. Д. 36.
- Штедер. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 27–70.

References

- Akty, sobrannye Kavkazskoj Arheograficheskoy komissiej (Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission) / ed by A. P. Berzhe. Tiflis: Glavnnoe Upravlenie Namestnika Kavkazskogo, 1868. Vol. II. Part. II. 1238 p. (In Russian).
- Akty, sobrannye Kavkazskoj Arheograficheskoy komissiej (Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission) / ed by A. P. Berzhe. Tiflis: Glavnnoe Upravlenie Namestnika Kavkazskogo, 1869. Vol. III. 767 p. (In Russian).
- Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej (Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission) / ed by A. P. Berzhe. Tiflis, 1874. Vol. VI. Part. I. 941 p. (In Russian).
- Alborov B. A. Nekotorye voprosy osetinskoy filologii: stat'i i issledovaniya ob osetinskom yazyke i fol'klore (Some questions of Ossetian philology: articles and studies about the Ossetian language and folklore). Ordzhonikidze: Ir, 1979. 311 p. (In Russian).
- Barabanov O. N., Volhonskij M. A., Mirzoeva A. M., Muhanov V. M. Ocherki istorii hristianstva na Severnom Kavkaze: S drevnejshih vremyon do nachala XX veka (Essays on the history of Christianity in the North Caucasus: From ancient times to the beginning of the twentieth century). Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2015. 352 p. (In Russian).
- Belyaev I. Russkie missii na okrainah. Istoriko-etnograficheskij ocherk (Russian missions on the outskirts. Historical and ethnographic essay). St. Petersburg: Izdanie P.P. Sojkina, 1900. 308 p. (In Russian).
- Gorod Mozdok: Istoricheskij ocherk (City of Mozdok: Historical essay). Vladikavkaz: RIPP im. Gassieva, 1995. 279 p. (In Russian).

8. Emel'yanova N. M. Musul'mane Osetii: na perekrestke civilizacij (Muslims in Ossetia: at the crossroads of civilizations). Moscow: RIK, 2003. 360 p. (In Russian).
9. ZHigarev S. Russkaya politika v Vostochnom voprose. (Eyo istoriya v XVI-XIX vekah, kriticheskaya ocenka i budushchie zadachi) (Russian policy in the Eastern question. (Its history in the 16th-19th centuries, critical assessment and future tasks). Istoriko-yuridicheskie ocherki. Moscow, 1896. Vol. I. 465 p. (In Russian).
10. Kaloev B. A. Osetiny (istoriko-etnograficheskoe issledovanie)(Ossetians (historical and ethnographic research). Moscow: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 1971. 358 p. (In Russian).
11. Kaloev B. A. Mozdokskie osetiny (Istoriko-etnograficheskoe issledovanie) (Mozdok Ossetians (Historical and ethnographic research). Moscow: Nauka, 1995. 245 p. (In Russian).
12. Klychnikova M. V., Klychnikov Yu. Yu. Vhozhdenie Severnogo Kavkaza v kul'turnoe pole Rossii (1777 – 1864 gg.) (Entry of the North Caucasus into the cultural field of Russia (1777-1864). Pyatigorsk: IP Filippov, 2006, 2006. 158 p. (In Russian).
13. Komenskij I. Obrashchenie osetin v hristianstvo v XVIII veke (Conversion of Ossetians to Christianity in the 18th century) // Trudy V Arheologicheskogo sъezda v Tiflise. 1881. Pod redakcijej Grafini Uvarovo. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i K, 1887. P.140–160. (In Russian).
14. Lapin V. V. Cicianov (Tsitsianov). Moscow: Molodaya gvardiya, 2011. 542 p. (In Russian).
15. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (Complete collection of laws of the Russian Empire). Collection. Vol. XXIII. St. Petersburg, 1830. 973 p. (In Russian).
16. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii(Complete collection of laws of the Russian Empire). Sobranie 1. Vol. XXXII. St. Petersburg, 1830. 1110 p. (In Russian).
17. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii(Complete collection of laws of the Russian Empire). Sobranie 1. Vol. XXXV. St. Petersburg, 1830. 675 p. (In Russian).
18. Savinskij I. Istoricheskaya zapiska ob Astrahanskoy eparhii za 300 let eya sushchestvovaniya. (S 1602 po 1902 god) (Historical note about the Astrakhan diocese for 300 years of its existence. (From 1602 to 1902). Astrahan', 1903. 392 p. (In Russian).
19. Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii (North Caucasus as part of the Russian Empire). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 460 p. (In Russian).
20. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya (Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania). F. 245. Inv. 1. D. 36. (In Russian).
21. SHteder. Dnevnik puteshestviya iz pogranichnoj kreposti Mozdok vo vnutrennie mestnosti Kavkaza, predprinyatogo v 1781 godu (Diary of a journey from the border fortress of Mozdok to the interior of the Caucasus, undertaken in 1781) // Osetiny glazami russkih i inostrannyh puteshestvennikov (XIII-XIX vv.). Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. P. 27–70. (In Russian).

Сведения об авторе

Гранкин Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права России и зарубежных стран, проректор по академической политике, контролю качества образования и информатизации Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия) / grankinj@pglu.ru

Адрес: д.9, пр. Калинина, 357352, Пятигорск, Российская Федерация.

Information about the author

Yuri Yu. Grankin – Doctor of History, Professor, Chair of History of State and Law of Russia and Foreign Countries, Vice-Rector for Academic Policy, Higher Education Quality Assurance and Informatization, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia) / grankinj@pglu.ru

The address: 9, Kalinina Ave., 357352, Pyatigorsk, Russian Federation.